

Жилинка Владислава Вячеславовна

СПЕЦИФИКА ТЕМПОРАЛЬНОГО ДИСКУРСА АНТИУТОПИИ Д. ГЛУХОВСКОГО "БУДУЩЕЕ"

В статье рассматриваются особенности воплощения темы времени в антиутопическом романе Д. Глуховского "Будущее". Исследуется комплекс элементов, формирующих специфику темпорального дискурса произведения: выбор особого плана повествования, активное использование приема ретроспекции, представление конкретного художественного образа будущего, включение в канву повествования системы временных мотивов. Выявляется типичность реализации темы времени в рамках жанра антиутопии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 1. С. 24-26. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**SYMBOLISM OF WATER IMAGE IN THE STORY
BY N. S. LESKOV "LADY MACBETH OF MTSENSK"**

Vairakh Yuliya Viktorovna, Ph. D. in Philology
Kazorina Anna Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Irkutsk National Research Technical University
vayrakh@yandex.ru; anna-kazorina@mail.ru

The article examines the symbolism of water images (water, tears, blood, rain, snow, river) describing the characters of N. S. Leskov's story. The authors identify the meanings of water as a representation of human's internal state, the storehouse of secret, concealed; water as a divine element, water as a purification, water as the beginning and the end of existence. The study analyzes the role of water image in N. S. Leskov's artistic worldview.

Key words and phrases: symbolism; artistic image of water; Epiphany water; artistic image of water-tear; artistic image of water-river; artistic worldview.

УДК 82-313.2:821.161.1

В статье рассматриваются особенности воплощения темы времени в антиутопическом романе Д. Глуховского «Будущее». Исследуется комплекс элементов, формирующих специфику темпорального дискурса произведения: выбор особого плана повествования, активное использование приема ретроспекции, представление конкретного художественного образа будущего, включение в канву повествования системы временных мотивов. Выявляется типичность реализации темы времени в рамках жанра антиутопии.

Ключевые слова и фразы: Д. Глуховский; хронотоп антиутопии; темпоральный дискурс; мотив борьбы со временем; мотив утраченного времени; мотив застывшего времени.

Жилинка Владислава Вячеславовна
Кубанский государственный университет
v-zhilinka@mail.ru

**СПЕЦИФИКА ТЕМПОРАЛЬНОГО ДИСКУРСА АНТИУТОПИИ
Д. ГЛУХОВСКОГО «БУДУЩЕЕ»**

Антиутопия, как всякий жанр, определяется особенностью хронотопа. М. Бахтин, разработчик данного термина, отмечает, что «в литературе ведущим началом в хронотопе является время» [1, с. 235]. Если время утопии можно определить как время исправления ошибок настоящего, то время в антиутопии, по мнению Б. Ланина, это «время расплаты за грехи воплощенной утопии, причем воплощенной в прошлом» [4, с. 161]. Как считает А. Любимова, в антиутопии человек находится в мире нарушенных временных и пространственных координат, поскольку обладающее абсолютной самоценностью настоящее «застывает», в то время как прошлое способно меняться, «приспосабливаясь к событиям настоящего» [5, с. 35].

События антиутопии, как правило, развиваются после «конца истории» – глобальной социально-политической трансформации, кардинальным образом меняющей образ жизни людей. В романе Д. Глуховского «Будущее» [2] таким событием является изобретение «вакцины» – полученного с помощью генной инженерии лекарства, способного остановить процесс старения. Результатом обретения человечеством бессмертия становится демографический взрыв и, как следствие, перенаселение Земли, вызвавшее необходимость введения жесткого контроля над численностью населения.

Проблемно-идеологическая сфера романа во многом определяется темпоральным дискурсом, который базируется на осмыслении понятия «будущее». Целью статьи является исследование специфики организации и функционирования данного дискурса как целостной структуры через выявление и анализ его основных компонентов.

Как формулируют создатели «Новой философской энциклопедии», время – условие возможности изменения [6, т. 1, с. 450], необратимое течение, протекающее лишь в одном направлении – из прошлого через настоящее и будущее. Будущее – значимый предмет философских осмыслений, рассматриваемый в рамках двух теорий: детерминизма (изначальной предопределенности) и индетерминизма (определяемости будущего человеческими поступками) [Там же, с. 451]. Детерминизм будущего, диктуемый тоталитарной властью, в антиутопии дискредитируется поступками свободной от государственного контроля личности. Как отмечает Б. Ланин, «попытки заглянуть в будущее оказываются сродни взгляду в лицо судьбе», поэтому конфликт антиутопии «приобретает масштабы схватки человека с судьбой» [4, с. 161]. По мнению исследователя, при таком масштабе конфликта неизбежно укрупнение – «либо судьбы, либо героя, либо времени» [Там же]. В кульминационный момент своего бунта главный герой романа, Ян Нахтигаль, нарушает предопределенность времени – перезапускает историю, «обнуляя человечество». Его победа становится «безоговорочной и катастрофичной одновременно» [Там же]. Время в этой истории приобретает кольцевую структуру, и на последней странице романа вместо слова «конец» значится «начало» [2].

Важная роль в композиции романа отводится ретроспективному времени, которое реализуется в воспоминаниях Яна. Как незаконного, «незарегистрированного» ребенка, его изъяли у матери и отправили в закрытый интернат, воспитывающий солдат правящего режима. Мироззрение Нахтигаля сложилось под влиянием суровых жизненных обстоятельств: именно они сформировали категории мышления персонажа и предопределили мотивы его поступков. Настоящее для Яна неразрывно связано с прошлым: изуродовав несформированную детскую психику, интернат заставил его возненавидеть преступницу-мать за весь испытанный ужас и унижение, за то, как она «исковеркала, испохабила, зачеркнула» его жизнь [Там же, с. 460]. Пережитый страх дает герою импульс для дальнейшего развития в установленных государственной властью рамках.

Языковая репрезентация категорий времени, как любого абстрактного имени, осуществляется посредством метафор, однако в романе будущее предстает перед нами и как конкретный художественный образ – в качестве одноименного панно, изображенного на стене трущобы, которое видит главный герой во время рейда. Этот образ становится концептуальным отражением сути романа: «наивная, яркая, слащавая» картинка, «румяная утопия» о покорении времени и пространства, гордо именуемая «БУДУЩЕЕ», со временем покрылась налетом копоти и жира, «словно картины средневековых мастеров» [Там же, с. 38]. Люди на изображении, некогда счастливые и смеющиеся, «выглядят нездорово»: «скалятся желтыми зубами, тарчат желтые белки глаз, и радость их кажется натужной, словно в концлагерь приехал фотограф из газеты и всем велел улыбаться» [2, с. 38]. Особенно атактистически выглядит изображение детей («на них тогда еще тратили краску» [Там же]). Оксюморон «устаревшее будущее» не кажется парадоксальным в контексте тотального изменения устоявшегося порядка вещей: модели, позирующие художнику столетия назад, выглядят точно так же, в то время как их изображение закоптилось и растрескалось, как «портрет Дориана Грея». В силу этих изменений время теряет судьбоносную значимость для людей, отныне не зависящих от скорости его течения: «А нам на время плевать. Мы временем не боимся. <...> перед нами – настоящее» [Там же, с. 40]. И настоящее выглядит чудовищно: «От пола до потолка громоздятся скрученные из композитных каркасов конструкции <...> Каждая полка – полтора метра, не разогнуться <...>. И по этим полкам, которых тут миллион, разложен миллион человеческих жизней. Каждая клетушка – чья-то халупа, лавка, ночлежка или харчевня. В воздухе висит пряный туман: пар человеческого дыхания пополам с дымом готовящейся еды, пот пополам со специями, запах мочи пополам с экзотическими ароматизаторами. Облепленные мириадами мелких ракушек, каркасы кишат людьми» [Там же, с. 39]. Люди «будущего» «говорят разом – каждый на своем языке: напевают вслух приклеившуюся к языку попсу, стонут, кричат, хохочут, шепчут, клянутся, плачут», и на всю эту вакханалию «мудрыми и добрыми очами» смотрят лубочные астронавты, «явно в ступоре и явно подумывая, не лучше ли им все же будет свалить в космос» [Там же, с. 39-40]. Эта картина идет вразрез с идеалистическим представлением главного героя о Европе как о земле людей, способных мыслить не категориями дней и лет, а «масштабами, достойными Вселенной» [Там же, с. 36].

Темпоральный дискурс романа также представлен системой мотивов: борьбы со временем, утраченного времени, а также особенно характерным для антиутопии мотивом застывшего времени.

Время – это условие изменения вещей, человека, жизни, неизбежный путь от рождения к смерти. Борьба со временем в романе становится борьбой с моральной сущностью человека, а руководит ею политическая элита Европы – Партия Бессмертия. Ее оппонентом является Партия Жизни, защищающая естественный процесс репродукции и отрицающая общественные отношения, строящиеся по принципу «масса-элита». Поисками и наказанием нарушителей закона о размножении занимаются специализированные солдаты – так называемые «Бессмертные». На боевых заданиях они прикрывают лица маской, имитирующей лик древней статуи античного бога: «Глаза у нее пустые, без зрачков – закатились или бельмами затянуло. Лицо холодное, бесстрастное, парализованное. Бесполое. <...> Лепили его или с самого бога, или с красивого мертвеца. У людей – живых – таких лиц не бывает» [Там же, с. 38]. Многочисленные детали указывают на то, что автор романа противопоставляет концепты «бессмертие» и «жизнь», по сути не являющиеся оппозиционными. Время как величина, описываемая через изменение, чьим неизменным атрибутом является движение, перестает иметь значение для тех, кто замер в гомеостазе вечной молодости. Название правящей партии и подчиняющейся ей структуры символично – «переставший быть созданием и ставший создателем», «венец собственного творения» [Там же, с. 36], человек стал существом, над которым время более не властно.

Мотив утраченного времени связан с идеей внезапной потери бессмертия. Чтобы осуществлять контроль над популяцией, правительство ввело «Закон о Выборе», регулирующий рождаемость: пара, решившая создать семью и завести ребенка, становилась перед выбором, кому из них оставаться в живых – второй получал «инъекцию старости», скоропостижно дряхлел и умирал в течение последующих 10 лет. Неправильность хода времени и его разрушительное воздействие на человека осознаются главным героем в момент, когда из карателя он становится преступником.

Сквозным мотивом романа становится мотив застывшего времени. Времена года слились в одно – по человеческой прихоти вечно зеленые сады Эшера цветут и плодоносят одновременно; смена дня и ночи неощутима в мире, где из-за перенаселения люди вынуждены жить в три смены, а вместо неба сияет огромный проектор; вечные тела «не изнашиваются» [2, с. 77]. Существование Бессмертных являет собой парадокс: ради жизни текущей они уничтожают жизнь будущую, тем самым становясь служителями неизменности мира, врагами обновления, изменения.

Конфликт между статикой и динамикой, застоем и развитием является характерным для антиутопического дискурса. Еще Е. Замятин в статье «О литературе, революции, энтропии и прочем» говорил о существовании двух космических, универсальных законов – сохранения энергии («огненный закон» революции) и ее вырождения («холодный, как лед», закон энтропии) [3, с. 379]. Под энтропией писатель подразумевал

стремление мировой энергии к покою – к смерти. «Багровый закон революции», по мнению Замятина, также смертелен, «но это смерть – для зачатия новой жизни» [Там же]: вспышки энергии, которые нарушают плавное течение энтропийного процесса и создают новые энергетические циклы. Истинная идея бессмертия, как полагает автор «Будущего», заключается не в вечном стагнате, но в движении, продолжении рода – продолжении жизни в жизни своих детей. Именно им, новому поколению, предстоит «сносить стены, изобретать, искать, пытаться понять, как человечеству идти вперед и как сохранять в себе главное» [2, с. 476]. Будущее всего мира, по Глуховскому, – в перерождении, энергии, а не энтропии.

Будущее в фантастике принято делить на «близкое» и «далекое». Как правило, эти образы имеют функциональные различия: тогда как близкое будущее является объектом предсказаний в дидактическом или утилитарном ключе, описание далекого будущего носят эсхатологический характер, поскольку имеют дело с конечной целью развития и предназначением человечества. В своей антиутопии Д. Глуховский рассматривает глобальное изменение в человеческой жизни, реализуя негативные коннотации, связанные с идеей человеческого бессмертия.

Особенности темпорального дискурса романа выражены в использовании автором системы временных мотивов (борьбы со временем, утраченного времени, застывшего времени), включении в композицию романа ретроспективного времени, осуществляющего связь между прошлым и будущим героя, представлении будущего как символического образа. Свойственные исследуемому жанру особенности хронотопа позволяют автору не только подчеркнуть неразрывную связь прошлого с будущим, но и сопоставить вымышленное и реальное. Подводя итог исследованию темпорального дискурса в романе Д. Глуховского, можно сделать вывод о том, что тема времени реализуется в рамках классической для антиутопии антиномии «статика/динамика».

Список литературы

1. Бахтин М. М. Формы времени хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234-407.
2. Глуховский Д. А. Будущее: роман-утопия. М.: АСТ, 2013. 476 с.
3. Замятин Е. И. Избранные произведения: в 2-х т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. 527 с.
4. Ланин Б. А. Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки и современность. М., 1993. № 5. С. 154-163.
5. Любимова А. Ф. Жанр антиутопии в XX веке: содержательные и поэтологические аспекты. Пермь, 2001. 162 с.
6. Смирнов А. В. Время // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН. 2-е изд., испр. и допол.: в 4-х т. М.: Мысль, 2010. Т. 1. С. 450-458.

SPECIFICS OF TEMPORAL DISCOURSE OF THE ANTI-UTOPIA BY D. GLUKHOVSKY “FUTURE”

Zhilinka Vladislava Vyacheslavovna
Kuban State University
v-zhilinka@mail.ru

The article examines the peculiarities of implementing the theme of time in the anti-utopian novel by D. Glukhovsky “Future”. The researcher explores a set of elements forming the specifics of novel’s temporal discourse: the choice of a special narration plane, the active use of retrospection device, representation of a concrete artistic image of future, inclusion of the system of temporal motives into the narration. The paper identifies the typical features of time theme implementation within anti-utopia genre.

Key words and phrases: D. Glukhovsky; anti-utopia chronotope; temporal discourse; motive of struggle with time; motive of lost time; motive of frozen time.

УДК 821.161.1

В статье рассматриваются особенности первого этапа критико-литературоведческой рецепции поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» во Франции. Представлены результаты обзора французских газет, журналов, библиографической литературы XIX века. Уточняется дата выхода первого французского перевода «Мертвых душ». Обосновываются причины вхождения поэмы во французское литературное пространство.

Ключевые слова и фразы: Гоголь; «Мертвые души»; литературная критика; рецепция; французский перевод.

Завгородний Алексей Михайлович

Литературный институт имени А. М. Горького
almzav@yandex.ru

ПОЭМА Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ КРИТИЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ 1840-1880-Х ГГ.

«Наконец “Мертвые души” вышли из печати. Алекс. Иван. Тургенев, получивший это известие из России, распространил его в Париже, и легко понять, с каким восторгом принято было оно всеми, которые отчасти ознакомились с содержанием и направлением романа» [1, с. 137]. Не приходится сомневаться, что «милый